

*Заместитель председателя
Квалификационной комиссии
Адвокатской палаты
Санкт-Петербурга*

Ю.А. Шутякин

НАША ОБЩАЯ ПРАВОВАЯ НЕРЯШЛИВОСТЬ...

Эта встреченная мной в интернете фраза поразила своей точностью и абсолютной универсальностью, своей относимостью и допустимостью к любой юридической профессии в нашей стране, в том числе, к адвокатской.

Наши вечные «авось», «как-нибудь», «и так сойдет» происходят, вероятно, от убеждения, что адвокат — единственный человек, которому незнание и несоблюдение закона ничем не грозит. Иначе чем объяснить упорное и ничем не прикрытое стремление некоторых наших коллег увести свою профессиональную деятельность и ее материальные результаты «в тень», ограничиваться только устными договоренностями с доверителями, не утруждая себя, вопреки требованиям п.1 и 2 ст.25 Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (далее - Закон), оформлением Соглашения в простой письменной форме.

Так, адвокат К.Н.А., приняв поручение на ведение дела К. без заключения письменного соглашения, незаконно оформила свои полномочия по делу, выписав ордер и нарушив тем самым не только нормы Федерального Закона, но и Решение Совета АП СПб о порядке заключения соглашений или принятия поручений на оказание юридической помощи (протокол №11 от 16.07.2003г.). Этим Решением Совета установлено, что «...адвокаты при принятии любого поручения на оказание юридической помощи — по соглашению либо

по назначению, вне зависимости от того, оплачивается ли эта помощь или оказывается бесплатно, обязаны оформлять бланки соглашений (договоров, регистрационных карточек) и получать ордера на ведение дела...». В соответствии с п.9 ст.29 Закона и п.6 ст.15 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее — Кодекс), решения органов адвокатской палаты, принятые в пределах их компетенции, обязательны для всех членов адвокатской палаты.

Кроме того, адвокат К.Н.А. при выполнении поручения по ведению гражданского дела К. приняла в качестве вознаграждения от доверителя предметы одежды, постельного и иного белья и др., нарушив тем самым требования п.5 ст.16 Кодекса, в соответствии с которыми адвокату запрещается принимать от доверителя какое-либо имущество в обеспечение соглашения о гонораре, за исключением денежных сумм, вносимых в кассу адвокатского образования в качестве авансового платежа.

Как не вспомнить Омара Хайяма:

Эй, возникший из семени, вслушайся, друг:

Есть губительных свойств и бесчестия круг.

Избегай же бахвальства, стяжательства, спеси,

Черной зависти, скупости, жадности рук!

Наверное, эти же человеческие свойства толкают адвокатов и на нарушение Решения Совета АП СПб «О порядке участия адвокатов Санкт-Петербурга в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, предварительного следствия и суда».

Рассматривая очередное Представление вице-президента АП, Комиссия установила, что адвокат КОБ предъявила в Дзержинский суд Центрального района СПб ордер на защиту подсудимого С., в котором отсутствовало указание на основание выдачи. Из корешка ордера, представленного адвокатом в Комиссию, следует,

что он является корешком ордера по назначению (ст.51 УПК РФ). Однако, по сведениям Координатора района по работе адвокатов по назначению, адвокат КОБ не состоит в списке адвокатов, работающих в порядке ст.51 УПК РФ. Кроме того, адвокатский кабинет КОБ находится в Адмиралтейском районе СПб. Таким образом, адвокат нарушила положения п.п.1, 5, 6 Решение Совета АП СПб от 20 октября 2006г.:

« 1. Работа адвокатов СПб в порядке ст.ст.50,51 УПК РФ осуществляется по территориальному признаку, что означает запрещение адвокату принимать участие в делах по назначению за пределами административного района СПб, в котором расположено адвокатское образование..., в котором состоит данный адвокат.

...5. Для работы по назначению в порядке ст.51 УПК РФ из адвокатов формируется список адвокатов, выразивших желание участвовать в этой работе...

...6. На основании Базового списка ежемесячно на каждый день ... составляется график дежурств адвокатов».

Помимо этого Комиссия установила, что в материалах уголовного дела по обвинению С. находятся два ордера адвоката КОБ: на защиту подсудимого С. и на представление интересов потерпевшего Л. (по соглашению). Из указанного обстоятельства следует, что адвокат КОБ нарушила требования п.1 ст.11 Кодекса, в соответствии с которыми «адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу...». Она также нарушила требования п.3 ч.1 ст.72 УПК РФ: «защитник, представитель потерпевшего,...не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он:... 3) оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого, обвиняемого либо представляемого им потерпевшего...».

Ссылка адвоката на то, что фактически она не принимала участия в деле на стороне подсудимого, по мнению Комиссии, не состоятельна. Сам факт принятия поручения и посещения адвокатом подсудимого С. в следственном изоляторе установлен судом и адвокатом не оспаривается. Из ее объяснений следует, что она знакомилась предварительно с материалами дела и в ходе посещения С. обсуждала возможные варианты защиты. Поскольку интересы подсудимого и потерпевшего противоречат друг другу по определению, Комиссия полагает, что не имеет значения, насколько полно адвокат ознакомился с позициями каждой из сторон. Поэтому нарушение указанных требований Кодекса и УПК РФ очевидно.

Но и наличие письменного Соглашения или поручения не всегда гарантируют добросовестность адвоката. Например, адвокатом ГВФ 13.10.2011г. заключено соглашение с Е. об оказании юридической помощи С. в качестве защитника на стадии предварительного следствия.

Приняв поручение, адвокат ГВФ один раз посетил обвиняемого С. в следственном изоляторе, в следственных действиях участия не принимал, на вызовы следователя не реагировал, то есть, фактически отказался от принятой защиты. В связи с этим, по заявлению обвиняемого защите его прав и законных интересов при производстве следственных действий, в т.ч. при выполнении требований ст.217 УПК РФ, осуществлял другой адвокат по назначению. Своими действиями адвокат ГВФ нарушил требования пп.6 п.4 ст. 6 Закона, в соответствии с которыми адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты.

Еще хуже, когда адвокат, поступает в интересах своего доверителя, преследуя личные цели. В этом обвинил адвоката СОА доверитель Е. Он указал, что в судебном заседании по гражданскому делу, где Е. выступал в качестве истца, адвокат СОА по ходатайству

стороны ответчика был допрошен в качестве свидетеля. В этом судебном заседании адвокат добровольно дал показания, противоречащие интересам Е. в гражданском деле, об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с осуществлением защиты Е. в уголовном деле. При этом согласия на разглашение этих сведений доверитель адвокату не давал. Давая эти показания, адвокат преследовал свои интересы, связанные с получением от Е. гонорара.

Комиссия установила, что характер сообщенных адвокатом суду сведений касается информированности Е., находившегося под стражей, о положении дел в некоей организации, об официальном назначении Х. на должность руководителя этой организации. При том, что Е. отрицал наличие у него такой информации, ссылаясь на условия изоляции в период ареста, адвокат СОА заявил в суде о том, что «Е. совершенно точно знал, что руководителем является Х.».

Таким образом, адвокат СОА нарушил требования пп.5 п.4 ст.6 Закона, неоправданно отказался от предоставленного Законом (п.2 ст.8) свидетельского иммунитета, нарушил требования пп.2, 3, 6 ст.6 Кодекса, в соответствии с которыми соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката; адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя; адвокат не вправе давать свидетельские показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением профессиональных обязанностей.

Но порой встречаются ситуации, когда не надо искать умысел в том, что можно объяснить простой глупостью.

О пренебрежении правилами адвокатской профессии свидетельствует и «история», приключившаяся с адвокатом БДВ.

В жалобе доверителя Б. говорится о том, что в Соглашении в качестве исполнителей помимо адвоката БДВ были указаны и иные лица — Ж. и С., которые воспринимались доверителем как адвокаты, на которых распространяется требование Закона о сохранении адвокатской тайны. Узнав, что это не так, Б. расторгла соглашение с БДВ.

В ходе проверки Комиссия установила, что адвокат БДВ включил в соглашение в качестве исполнителей договора Ж. и С., не являющихся адвокатами, не предупредив доверителя об их статусе. Подписывая Соглашения, Б. полагала, что они являются адвокатами (поскольку соглашения заключались с Адвокатским кабинетом) и на них распространяются требования закона об адвокатской тайне. Своими действиями адвокат БДВ создал условия для неконтролируемого распространения сведений, конфиденциально полученных от доверителя, для которого сохранение тайны имело особое значение. Таким образом, адвокат БДВ нарушил требования п.1 и 2 ст.6 Кодекса, в соответствии с которыми «доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны» и «соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката».

Кроме того, адвокат БДВ незаконно и необоснованно привлек к исполнению соглашений с Б. посторонних лиц, не являющихся адвокатами, чем нарушил требования п.4 ст.16 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее — Кодекс), в соответствии с которыми адвокату запрещается делить гонорар, в частности под видом разделения обязанностей, с лицами, не являющимися адвокатами.

Другой адвокат - МСР, не имея договора об оказании юридической помощи с ВД., получил от неё нотариальную доверенность с правом распоряжения имуществом, полномочия по которой передоверил А.А., интересы которого представлял в судебном процессе о

расторжении брака и разделе совместно нажитого имущества между В.Д. и А.А. Таким образом, адвокат воспользовался доверием В.Д. вопреки ее интересам и в пользу своего доверителя, являвшегося процессуальным противником В.Д., то есть, совершил действия, ведущие к подрыву доверия, нарушив тем самым требования п.2 ст. 5 Кодекса. Адвокат же полагал, что, не являясь поверенным В.Д., не мог совершить действий ведущих к подрыву доверия.

Комиссия учитывает, что определения того, перед кем именно и какие действия могут подпадать под понятие «подрыв доверия» ни в Кодексе, ни в других нормативных документах, регулирующих деятельность адвокатуры, не содержится. В то же время, в преамбуле Кодекса профессиональной этики адвоката говорится, что существование и деятельность адвокатуры невозможны без заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры. Статья 1 Кодекса указывает на то, что установленные обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основаны на нравственных критериях и традициях адвокатуры. В п.1 ст.4 Кодекса содержится требование о сохранении адвокатом чести и достоинства, присущих профессии, при всех обстоятельствах. Таким образом, Кодексом презюмируется такое поведение, которое демонстрирует заботу адвоката о сохранении профессиональной чести и поддержании в обществе высокого престижа профессии. Поэтому Комиссия считает, что к действиям, ведущим к подрыву доверия, относятся любые неблагоприятные действия, противоречащие нравственным критериям и традициям адвокатуры, совершенные адвокатом при исполнении своих адвокатских обязанностей и ведущие к возникновению обоснованных сомнений относительно честности и порядочности адвоката и вызывающих недоверие к адвокату и адвокатскому сообществу как со стороны доверителя, так и со стороны судебных и иных органов, а также третьих лиц, чьи интересы затрагиваются действиями адвоката.

Подчас адвокаты балансируют на грани существования в профессии. Только процессуальные особенности дисциплинарного производства помогают им избежать вполне заслуженного наказания.

Примером может служить дисциплинарное производство в отношении адвоката АДБ, который заключил соглашение с Е. на ведение уголовного дела частного обвинения. Доверитель жаловался на ненадлежащее исполнение адвокатом принятого поручения, вымогательство денег на транспортные расходы, на участие адвоката в судопроизводстве в состоянии алкогольного опьянения. В подтверждение своей позиции Е. представил аудио записи на CD диске, пояснив, что с первой минуты общения с адвокатом он все беседы записывал на диктофон, а затем все эти записи перенес на компакт-диск. Адвокат сразу заявил о фальсификации аудио записей.

При ознакомлении с компакт-диском Комиссия установила, что на нем имеются цифровые файлы, содержащие фрагменты записей разговоров (в том числе, телефонных), сделанные первоначально на неизвестном оборудовании и носителе, отсутствуют достоверные данные об операторе записи, о времени, месте, условиях произведенных записей. Факт перезаписи с одного носителя на другой никак не оформлен. Даты создания цифровых файлов, указанные в метаданных файлов, находятся вне временных рамок оказания адвокатом АДБ юридической помощи Е. Поскольку фонограммы были получены на неустановленных звукозаписывающих аппаратах и цифровых носителях, а затем скопированы на обычную компакт-кассету, имеет место случай монтажа в классическом его понимании.

Таким образом, данный CD диск не отвечает требованиям ст.77 ГПК РФ. Комиссия исходила из того, что законодательство не наделяет ее правами, предоставленными суду в области исследования доказательств, в том числе, путем назначения экспертизы. Поэтому представляемые в рамках дисциплинарного производства доказа-

тельства должны носить однозначный характер и не допускать сомнений или толкований. Учитывая данные обстоятельства, Комиссия пришла к заключению о признании представленного CD диска недопустимым доказательством в дисциплинарном производстве.

О полном забвении традиций адвокатуры свидетельствуют и склоки между адвокатами, которые, прикрываясь «принципиальностью», жертвуют интересами доверителей, лишь бы «достать» своего процессуального противника-адвоката. Так, адвокат ХВЕ в очередной раз принял поручение на представление в суде интересов доверителя Ф. в споре с другим адвокатом РКВ, не уведомил об этом Совет АП СПб и не сообщил адвокату РКВ как этого требует пп.4 п.2 ст.15 Кодекса. Достоверно зная о вступившем в законную силу судебном решении об отказе Ф. во взыскании с адвоката РКВ 600 руб., адвокат ХВЕ составил от имени доверителя исковое заявление о взыскании с РКВ процентов по основаниям ст.395 ГК РФ и принял поручение на представление сс интересов в суде. Своими действиями адвокат ХВЕ нарушил требования пп.1 п.4 ст.6 Закона, поскольку принял от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи поручение, имеющее заведомо незаконный характер.

Некоторым нашим коллегам (правда, уже бывшим) явно тесны рамки Адвокатской палаты. В жалобах нескольких доверителей сообщалось о том, что, обратившись в ООО «Ваше право», они столкнулись с адвокатами КМВ и ХИН, которые представились сотрудниками ООО и взялись за ведение их дел. При этом Соглашения заключались с ООО, деньги также вносились в кассу ООО, а указанные адвокаты на основании ордеров должны были представлять интересы доверителей в судах, в том числе совместно по одному из гражданских дел.

Мало того, что эти адвокаты нарушили требования п.1 и 2 ст.25 Закона, то есть, приняв на себя обязательство представительство-

вать в суде, не оформили при этом письменного соглашения с доверителями, но и, не имея оснований, оформили свои полномочия ордерами адвокатской палаты. КМВ и ХИН, представляясь доверителям адвокатами-сотрудниками ООО «Ваше право», не являющегося адвокатским образованием, ввели их в заблуждение относительно своего статуса и полномочий, совершив действия, ведущие к подрыву доверия, то есть, нарушили положения п.2 ст. 5 Кодекса. Одновременно они нарушили запрет, содержащийся в п.3 ст.9 Кодекса: «адвокат не вправе ... вне рамок адвокатской деятельности оказывать юридические услуги либо участвовать в организациях, оказывающих юридические услуги». И уже, что называется «до кучи»: указанные адвокаты неоднократно без уважительных причин не являлись в судебные заседания, нарушив тем самым требования п.1 ст. 8 Кодекса.

Комиссия полагает, что несоблюдение адвокатом установленной Законом формы Соглашения об оказании юридической помощи не освобождает его от обязанностей и ответственности, предусмотренных ст.7 Закона.

Не менее неблагоприятны и те ухищрения, к которым прибегают адвокаты, чтобы полученный от доверителя гонорар «увести» от налогообложения в размере (страшно подумать!) 13%.

Например, адвокатом ЦВЕ лично были получены от доверителя К. в качестве вознаграждения денежные средства в сумме 90000 руб. Из указанной суммы адвокат внёс в кассу АК в качестве вознаграждения 5000 руб. по кв. №0155... от 31.01.2011г., а не по квитанции №0017... от 17.01.2011г., как указывает адвокат в своём объяснении. Оставшиеся у адвоката средства в сумме 85000 руб. адвокатом ЦВЕ удерживались с 12.01.2011г. по 28.08.2012г. и были внесены в кассу другой адвокатской консультации, где он работал на момент поступления жалобы, то есть спустя 1 год 7 месяцев.

Комиссия считает, что своими действиями адвокат ЦВЕ допустил нарушение требований п.6 ст.25 Закон, в соответствии с которым вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем и компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на р/счёт адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением. Никаких особых сроков или периодов отсрочки внесения адвокатом вознаграждения в кассу АК соглашение не содержит. Таким образом, денежные средства в сумме 85000 руб. находились в личном пользовании адвоката.

Комиссия отметила и недобросовестность адвоката ЦВЕ при оформлении соглашения с К. Так, в копии соглашения, выданной на руки доверителю, указан явно недостоверный р/счётный номер адвоката. Размер вознаграждения в копии соглашения, представленной доверителем, указан 10000 руб., а в копии соглашения, представленной адвокатом, указан 90000 руб. При этом, в кассу АК (где он в тот период времени работал) адвокат сдал 31.01.2011г. 5000 руб., а 85000 руб. сдал в кассу другой АК только 28.08.2012г., после завершения проверки жалобы Комиссией. Копия соглашения, выданная на руки доверителю К., вообще не содержит оборотной стороны оригинала соглашения и полностью отличается по содержанию от копии соглашения, представленной ЦВЕ. Комиссия расценивает эти действия адвоката, как попытку ввести доверителя в заблуждение, то есть, совершение действий, направленных к подрыву доверия.

Неряшливость в выборе средств немало вредит нашему адвокатскому образу и в глазах правосудия.

К поступившему от судьи районного суда обращению (одному из 55 обращений судей) были приложены копии 15 протоколов судебных заседаний, в которых отражены 9 замечаний и 3 предупрежде-

ния, сделанные судом адвокату ВДА за допущенные им нарушения порядка в зале судебного заседания. Так, в судебном заседании в июне 2012г. адвокат при появлении судьи в зале судебного заседания заявил: «сторона защиты делает замечание суду за опоздание». В судебном заседании в июле 2012 адвокат ВДА обратился к суду с требованием: «на основании изложенного и руководствуясь УПК прошу суд удалиться из данного процесса». В судебном заседании в августе 2012г. адвокат, выкрикивая с места и указывая пальцем на свидетеля, оскорблял сё, называя преступником, угрожал тюрьмой. При провозглашении приговора, адвокат ВДА, выражая своё несогласие с ним, гримасничал: покручивал пальцем у виска, закатывая глаза и показывая на председательствующего движением головы. Позже, в письменном заявлении адвокат в качестве характеристики действий судьи указал: «...он опять принял решение украсть кассационную жалобу защиты».

Объясняя свое поведение, адвокат сослался на предвзятое отношение председательствующего в процессе к нему и его подзащитному, на неправомерные, с его точки зрения, действия судьи. Что касается отдельных слов и выражений, употребленных им в том или ином случае, адвокат сообщил о том, что в настоящий момент он работает «...над поиском более мягких формулировок».

По мнению Комиссии, высказывания адвоката ВДА не только показывают непонимание, либо игнорирование адвокатом, как своей роли, так и роли председательствующего в уголовном судопроизводстве, но и демонстрируют низкий уровень общей и правовой культуры самого адвоката, следствием чего явилось употребление им выражений оскорбительного по отношению к суду характера. Таким образом, адвокат совершил нарушение требований п.2 ст.8 и ст.12 Кодекса, обязывающих адвоката соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду

и другим участникам процесса, а возражая против действий судей, делать это в корректной форме и в соответствии с законом, придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению. При всех обстоятельствах адвокат, не согласный с судебным решением или поведением судьи, не должен позволять себе подрывать авторитет суда публичными демонстрациями, поскольку его позиция может быть так же ущербна, как и критикуемая. Проявление неуважения к суду — путь противоречащий закону и профессиональной этике.

Пример юридически безукоризненной, хотя и весьма жесткой позиции даст нам дисциплинарное производство в отношении адвоката КЛА, защищавшего подсудимого М.

В обращении Мирового судьи, поступившем в Комиссию, говорилось о неподобающем оскорбительном поведении адвоката КЛА, позволившего себе обвинить судью в совершении преступления.

Комиссия установила, что в ходе судебного разбирательства в своём письменном ходатайстве об отводе судьи адвокат указал, что судья фальсифицирует материалы уголовного дела, допускает злоупотребление служебными полномочиями, ретуширует показания свидетелей. «В настоящее время судья дошла до прямого совершения преступления. ...Суть совершённого судьёй преступления — злоупотребления служебными полномочиями, подлог и фальсификация материалов уголовного дела» и т.п. Адвокат привел факты и квалифицировал действия Мирового судьи ст.ст.285 ч.2, 286 ч.1 и 292 ч.2 УК РФ. Аналогичные заявления были сделаны адвокатом и в судебных прениях.

Оценивая указанные заявления адвоката, Комиссия исходила из того, что они сделаны в ходе судебного разбирательства не как отвлечённые неллицеприятные слова в отношении судьи, а как юриди-

ческая оценка его конкретных действий при осуществлении правосудия, ведущих к вынесению несправедливого приговора и дающих основания для заявления судье отвода. Наличие у адвоката объективных данных о фальсификации материалов уголовного дела и других нарушениях не только давало адвокату право, но и обязывало его в своем отводе судье и выступлении в прениях указать на все эти нарушения, в том числе, дать им юридическую квалификацию. Оценка же правомерности суждений адвоката относится к компетенции суда.

Комиссия исходит из того, что в п.2 ст.18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» содержится положение о том, что адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном деянии (бездействии).

Адвокат РВО, принял и не исполнил поручение на представление в суде интересов К. по доверенности, без заключения соглашения, выписки ордера и внесения денег в кассу адвокатского образования. Этот же адвокат, приняв к исполнению поручение другого доверителя на ведение гражданского дела в суде кассационной инстанции в защиту интересов ответчика, без уважительной причины в судебные заседания СПб городского суда не являлся дважды.

Глубокой обидой была продиктована жалоба М. на поведение адвоката САА., который 11.05.12г. заключил соглашение на ведение в суде ее жилищного дела, получил гонорар в сумме 30.000 рублей, а в судебное заседание не явился, оставив интересы доверителя без профессиональной защиты. Это привело к вынесению судом решения в его отсутствие с неблагоприятным для доверителя результатом. Адвокат же полагал, что отсутствовал в суде по уважительной причине в связи с отъездом в отпуск.

Комиссия квалифицировала действия (бездействие) адвоката как нарушение требования пп.1 п.1 ст.7 Закона и п.1 ст.8 Кодекса, в соответствии с которыми адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами. Ссылка адвоката на уважительность причин его отсутствия — несостоятельна. Как следует из объяснений М., о своем длительном отъезде из Санкт-Петербурга адвокат поставил ее в известность за неделю до назначенного судебного заседания. В ответ на возражения М., пояснившей, что дала доверенность адвокату, так как явиться в суд не может, адвокат САА предложил ей самой искать выход из этой ситуации: все же явиться в суд или обратиться к другому адвокату. Указанные обстоятельства адвокатом не оспариваются и косвенно подтверждаются копией ходатайства адвоката об отложении дела и копией решения суда, в котором указывается на неявку в заседании как представителя ответчика (адвоката САА), так и М.

Комиссия считает, что в ситуации, когда адвокату, действующему в рамках гражданского судопроизводства на основании ордера и доверенности, не удастся даже при наличии уважительных причин согласовать с доверителем свое отсутствие в судебном заседании, он обязан расторгнуть соглашение, которое не в состоянии выполнить, предупредив письменно доверителя и суд. Игнорирование этой обязанности свидетельствует об умышленном неисполнении адвокатом принятого поручения, то есть, о недобросовестности.

Другой адвокат - ГСВ заключил соглашение об оказании юридической помощи при ведении в суде жилищного дела со стороны истицы Ж. Получив решение суда об отказе в иске, не обжаловал в установленный законом срок это решение в кассационном порядке, чем лишил доверителя процессуального права на обжалование решения.

Адвокат ГСВ пояснил Комиссии, что заключил с Ж. лишь «предварительное соглашение об оказании юридических услуг». В связи с постоянным проживанием доверителя в г. Калининграде получил от нее доверенность и связь с ней осуществлял по телефону. После отказа Администрации района в заключении с Ж. договора социального найма, составил и подал исковое заявление в суд. 16.11.2011г. районным судом было вынесено решение об отказе в иске. В тот же день клиентка была уведомлена по телефону о принятом судом решении. «Полученное в суде решение в окончательной форме незамедлительно по факсу было отправлено в Калининград. Впоследствии какого-либо договора о моем участии в суде 2-й инстанции не было. Дополнительного соглашения не заключалось». А посему, считает адвокат, нет и нарушений с его стороны.

Однако Комиссия не согласилась с такой позицией. В соответствии с Соглашением от 03.12.2010г. адвокат ГСВ принял на себя широкий круг обязательств перед доверителем, в том числе, по оказанию юридической помощи путем «консультации, составления искового заявления, жалобы, участия в суде по гражданским делам, участия в суде второй инстанции». При этом оформил свои полномочия еще и нотариально заверенной доверенностью. Таким образом, он принял на себя и обязательство кассационного обжалования решения суда, отказавшего в удовлетворении исковых требований доверителя. Таковую жалобу он был обязан подать не позднее 16 декабря 2011г. Не обжаловав указанное решение суда, адвокат ГСВ не исполнил свои обязанности перед доверителем, то есть, нарушил требования п.1 ст.8 Кодекса и пп.1 п.1 ст.7 Закона, в соответствии с которыми адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности перед доверителем.

Ссылка адвоката на необходимость предварительного согласования кассационного обжалования с доверителем не основана на имеющемся между ними Соглашении. Более того, доверенностью от 06.12.2010г. Ж. уполномочила адвоката, среди прочего, «подписывать апелляционные, кассационные и частные жалобы... обжаловать судебные акты». Подача кассационной жалобы не лишала адвоката возможности дальнейшего согласования с доверителем целесообразности этого юридически значимого действия и, в случае волеизъявления доверителя, отзыва этой жалобы.

Завсегдатаем заседаний Комиссии стала адвокат МАЮ. Ежегодно две-три жалобы доверителей. Например, доверительница С. заключила с ней соглашение об оказании юридической помощи по ведению дела о расторжении брака и разделе совместно нажитого имущества супругов. Для подтверждения полномочий адвокату была выдана доверенность.

Доверитель С. в своей жалобе указывает, что в сентябре 2012г., обеспокоенная отсутствием информации от адвоката о состоянии дела, самостоятельно получила в суде копию Заочного решения мирового судьи от 09.02.2012г. Из этого Решения она узнала, что ее брак, вопреки заверениям адвоката, уже расторгнут, что адвокат МАЮ в ходе слушания дела не предъявила каких-либо требований о разделе имущества супругов, а в последнем заседании суда вообще не принимала участия, не предупредив заблаговременно ни суд, ни своего доверителя. Таким образом, адвокат МАЮ не исполнила принятых на себя обязательств, нарушив требования п.1 ст.8 Кодекса. Ссылка адвоката на то, что в течение весны, лета и осени 2012 г. она неоднократно встречалась с доверителем С. по вопросу раздела совместно нажитого с супругом имущества, по мнению Комиссии, лишь подтверждает заявление доверителя о не предоставлении ей адвокатом информации о состоянии судебной тяжбы. В соответствии

с п.6 Соглашения между адвокатом МАЮ и С. моментом окончания его действия должно стать вынесение судом решения. Адвокатом не представлено никаких доказательств того, что предмет соглашения с согласия доверителя был изменен и из него исключено упоминание о разделе имущества. Ведение адвокатом переговоров с доверителем относительно способов выполнения одного из пунктов соглашения, лишь создавало у С. иллюзию того, что гражданское дело судом еще не рассмотрено. Таким образом, адвокат МАЮ совершила действия, направленные к подрыву доверия, то есть, нарушила требования п.2 ст.5 Кодекса.

В январе 2013 г. Комиссия установила, что этот же адвокат, приняв к исполнению поручение об оказании юридической помощи доверителям С.О.В. и С.Н.В. в качестве представителя по гражданскому делу, на протяжении 1,5 лет фактически уклонялась от исполнения своих профессиональных обязанностей. При этом, никаких мер по расторжению соглашения и возврату доверителю денежного вознаграждения адвокатом не предпринималось.

Но... есть женщины в русских селеньях! Адвокат КМВ попала в аналогичную ситуацию и решила «погасить» конфликт с доверителем, вернув ему половину неотработанного гонорара. День рассмотрения дисциплинарного производства приближался. Незадолго до заседания Комиссии адвокат КМВ позвонила доверителю и сообщила, что денег у неё нет и вернуть их она не сможет, однако предложила «...неординарные пути решения вопроса, в том числе, отработать сумму, подлежащую возврату, на работе у доверителя». Не знаю уж на чем поладили стороны конфликта, но материальные претензии к адвокату были сняты...

Приведенные примеры — лишь небольшая часть тех 110 дисциплинарных производств, которые были рассмотрены Комиссией в отчетном периоде.

Удручает та легкость и даже нарочитость, с которой некоторые наши коллеги демонстрируют зависть, жадность, наглость, готовность к предательству и другие срамные места своей адвокатской души.